

МАРИНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ВСЯ ПРАВДА О СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЕ

Марина Дмитриевна Рождественская

Вся правда о Снежной Королеве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73757418

*Вся правда о Снежной Королеве. повесть-фэнтези: Четыре; СПб; 2026
ISBN 978-5-908079-44-0*

Аннотация

Простая советская семья. 80-е годы. И вдруг – волшебство, которое не похоже на добрую сказку. Когда четырнадцатилетняя Марта исчезает в новогоднюю ночь, её младший брат Никита остаётся с тяжестью вины, которая не даёт ему дышать. Но эта трагедия становится началом пути к правде, к своему Роду, к миру, который прячется за ледяной стеной.

Рядом с воспоминаниями о тёплой кухне, лыжных прогулках и первых чувствах здесь живут сияющие дворцы, родовые тайны и магия, которая по-прежнему дремлет внутри каждого из нас. А ещё – вера в добро, уважение к старшим и бесконечная любовь к детям. Особенно если ты часть большого Рода, который объединяет мудрые и сильные души. Твой Род не забыл тебя...

В книге присутствуют сцены распития алкоголя.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марина Рождественская

Вся правда о

Снежной Королеве

© М. Рождественская, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

* * *

МАРИНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ВСЯ ПРАВДА О СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕТЫРЕ

Санкт-Петербург
2026

Глава 1

Начало. Семья Богдановых

В одной тихой, уютной семье родилась девочка. Она появилась на свет в марте, и родители, недолго раздумывая, назвали её Мартой. Девочке нравилось её имя, оно казалось ей необычным, отличало от других детей. Взгляды прохожих, встречавшихся с ней, всегда замедлялись, а чьи-то губы едва заметно улыбались, когда она проходила мимо.

Марта росла в доме, где царили гармония и свет, и это отражалось в её душе. Она была доброй, нежной, заботливой, словно весенний лучик, который согревает всё вокруг. Её белокурые волосы, чуть волнистые, с лёгким золотым отливом, легко спадали на плечи, будто нити из самой солнечной туманной росы.

Фигурка стройная, осанка безупречная, умение держать спину прямо – как у настоящей принцессы. Благодаря лёгкости движений Марта, казалось, парила, не касаясь земли. Лицо её было особенным – благородным. Нет, у неё не было больших глаз с длинными ресницами, и её рот не напоминал кукольный розовый бутон. Но была в её красоте какая-то магия, строгая и нежная одновременно. Родители обожали свою дочь и каждый день благодарили небеса за её свет в их жизни.

Однажды вечером, когда за окнами уже успели погаснуть последние лучи заходящего солнца, мать, слегка смущённая, поделилась с дочкой радостной новостью:

– Скоро в нашей семье будет малыш.

Сердце Марты затрепетало от счастья, она давно мечтала о братике или сестрёнке. С радостью она начала помогать матери: вместе готовили всё необходимое для малыша, шили одеяльца, выбирали каждую деталь с любовью и заботой. Каждый толчок из маминого животика, каждое шевеление младшего братика дарили ей радость.

Но вот имя малыша... Марта переживала, что её мнение не будет учтено. Она ведь уже всё продумала. Мальчик должен был быть Марком! Ведь как красиво звучат их имена – Марта и Марк! В её воображении возникали картины: два ребёнка, богато одетые, бегают по зелёной лужайке, вокруг белоснежные стены замка, а солнце ласково светит на их золотые волосы...

Мальчик родился в декабре, и родители, недолго думая, назвали его Никитой, причём мнения сестры они так и не спросили. Марта немного грустила. «Никита»... Ну разве это сравнимо с Марком? Но её любовь к братику была безмерной. И, несмотря на всё, она приняла его имя.

Малыш подрастал, и хотя разница в возрасте между ними была почти семь лет, Марта заботилась о нём, как настоящая мама. Она его кормила, переодевала, купала, водила гулять.

Мать с благодарностью смотрела, как её дочь растёт, по-

могая по дому. Вслед за дочерью она стала называть сына Ником, потому что так его звала Марта – девочке казалось, что так красивее. «Ник и Марта» – звучит более складно, как бы даже согревая их мир общими чувствами.

Когда Ник подрос до восприятия книжек, сестра прочитала ему сказку «Снежная Королева». История так сильно запала в его душу, что он не мог отделаться от этих образов. Мальчик заявил, что они с сестрой – Герда и Кай.

Родители ласково посмеялись над словами малыша, но он упорно стал называть сестру Гердой и откликаться только на имя Кай. Буквально через несколько месяцев родители тоже стали называть детей этими именами. Волна дошла и до школы, в которой училась Марта, и вслед за детьми некоторые учителя стали называть девочку Гердой, думая, что родители поменяли ей имя.

Дети росли.

Герда приближалась к своему четырнадцатилетию. Уже не девочка, а юная девушка, набирающая уверенность и красоту. Её изящная фигура, гордо поднятая голова, длинная шея – всё говорило о грации. Прекрасные, золотистые локоны обрамляли её лицо, где кожа, светлая, как фарфор и каждая черта были так совершенны, что невозможно было не восхищаться.

Девочка чудесно пела, в её голосе звучала нежность и сила. Великолепно танцевала, порхая бабочкой над сценой. Рисовала чудесные картины, вышивала изысканные салфетки.

– Богом поцелованное дитя, – говорили все знакомые и соседи, а мать тихонько сплёвывала через левое плечо, боясь, как бы дочку не сглазили.

Ведь Марта была воплощением самой нежности и красоты, не зря её называли Принцессой.

А вот Кай... Он уже ходил в подготовительную группу детского сада, в декабре ему исполнилось семь лет. Этот ребёнок рос совсем другим. Шумным, смелым и бойким. Этот мальчик не боялся ничего. Его взгляд был всегда прямым, а руки – крепкими и сильными. Он не скрывался за чужими плечами, не отходил в сторону, когда ситуация требовала решительности. Он рос настоящим мужчиной, и даже старшие ребята во дворе уважали его за смелость и никогда не называли «малявкой».

Глава 2

Трагедия в новогоднюю ночь

И вот, наконец, наступила новогодняя ночь. В комнате с ковром на стене, стеклянной «горкой» в серванте и ароматом мандаринов и ёлки зазвучал бой кремлёвских курантов. Все подняли рюмки и бокалы, обнялись, поздравляя друг друга с Новым годом. Телевизор в углу показывал праздничный концерт, но никто уже не обращал на него внимания – соседи и родные с шумным весельем собирались во дворе, чтобы запустить салюты.

На улице стоял крепкий мороз, заставлявший снег хрустеть под валенками и зимними сапогами. Воздух был пропитан запахом жжёной серы от петард и лёгким дымком из чьих-то форточек, где, должно быть, продолжалось застолье. Никита и Марта стояли среди взрослых и детей, запрокинув головы к небу, освещённому вспышками разноцветных огней.

– Помнишь, как ты впервые увидел салют и сказал, что «звёзды взбесились»? – со смехом напомнила Марта брату.

Никита привычно рассмеялся. Он посмотрел на сестру и залюбовался ею: в мягкой белой шубке и пушистой шапочке, сшитых мамой из её старой заячьей шубки, она напоминала снежную принцессу. Из-под шапочки выбилась прядь

светлых волос, щёки горели румянцем, а глаза сверкали, как голубые топазы. Никита знал эти камни: родители летом водили их в геологический музей, и там, увидев топазы, мальчик сказал, что они похожи на глаза Марты. Все тогда согласились с ним.

Неожиданно Никита наклонился к сестре и заговорщически предложил:

– Давай сбежим в другой двор, через дорогу! Там горка лучше, лёд ровный.

– Надо родителям сказать, – неуверенно ответила Марта.

– Ой, да они и не заметят! Мы пару раз прокатимся – и сразу назад. На дороге пусто, машин нет. В том дворе тоже люди есть – салюты запускают. Ну что с нами может случиться?

Марта посмотрела в сторону родителей, которые весело обсуждали что-то со знакомыми, и сдалась. Ей не хотелось расстраивать брата. Она любила его – младшего, озорного, но такого родного.

Они взялись за руки и побежали.

Снег под ногами был крепкий, настовый, но почему-то казался Марте странным – не весело поскрипывал, а трещал, словно прогнившие половицы в старом доме. Этот звук её немного пугал. Как будто снег хотел остановить их. Но Марта не верила в предчувствия. В их семье было принято верить лишь в любовь и взаимную поддержку. Она отмахнулась от странного ощущения и побежала дальше.

Когда дети пересекли дорогу, неожиданно – словно из ниоткуда – рядом с ними бесшумно остановилась большая серебристая машина. Это не была обычная «Волга» или «Москвич»: её металл сверкал под светом редких уличных фонарей, а габариты казались непривычно внушительными. Ребята не успели понять, откуда она взялась; казалось, машина возникла из самого воздуха, будто ждала именно их.

Марта застыла на тротуаре, её сердце бешено заколотилось. Задняя дверь машины бесшумно открылась, и в жёлтом свете салона мелькнула рука в белой пушистой шубке. Эта рука быстро и уверенно схватила Никиту за воротник его пальто.

– Эй! – выдохнул мальчик, но не успел даже пошевелиться.

Его рывком втащили внутрь.

– Нет! Остановитесь! Возьмите меня! – закричала Марта.

Её голос, полный паники, расколол морозную ночь. Но вокруг было тихо: во дворе ещё запускали салюты, смех и веселье неслись с площадки. Никто их не видел.

И тогда раздался голос. Холодный, лишённый эмоций, будто говорившей женщине было всё равно.

– Обойди машину и садись внутрь. Тогда я отпущу мальчишку.

Марта на секунду замерла. Это было бессмысленно, но голос прозвучал так, что ей даже в голову не пришло послушаться. Она сделала шаг, потом ещё. Ветер подхватил её светлую

прядь из-под шапочки.

Как только её рука коснулась дверной ручки, Никита с криком вылетел из машины, упав в рыхлый снег. Он вскочил на ноги, но только лишь успел увидеть, как двери захлопнулись, и машина, не издав ни звука, рванула с места.

Никита не видел фар, не слышал шума мотора. Машина словно взлетела, растворившись в небе, как будто её никогда и не было.

– Марта! – закричал он, рухнув на колени в снег.

Он плакал, бил кулаками по земле, но его голос терялся в безразличной ночной тишине. Только снег мягко падал с неба, покрывая его слёзы.

Родители нашли его не сразу. Сначала они решили, что дети замёрзли и пошли домой. Но когда, распахнув дверь, они увидели пустую квартиру, тревога накатила ледяной волной. В воздухе ещё витали запахи мандаринов и хвои, на столе выдыхалось недопитое шампанское, а в телевизоре весело пел кто-то из «Голубого огонька».

Но детей не было.

Сначала они звали их, заглядывали в комнаты, заглядывали даже в шкаф, словно надеясь, что те просто прячутся. Но пустота становилась всё гуще, тяжелее. Страх ещё не перерос в панику, но уже душил горло.

– Они, наверное, катаются... – пробормотал кто-то из гостей, но голос звучал неуверенно.

И тогда все, ещё не позволяя себе поверить в самое страш-

ное, бросились на поиски.

А потом увидели его.

Никита сидел на коленях прямо в снегу под одиноким светом далёкого фонаря. Он не плакал – слёзы уже замёрзли на его ресницах. Ветер шевелил выбившуюся прядь волос, а вокруг, из соседних дворов, продолжали звучать хлопки последних фейерверков.

Но для него уже не было праздника.

И всё могло бы быть иначе...

Но машина унесла его сестру. Его Марту. Его Герду.

Глава 3

Никита

Детство Никиты закончилось в ту страшную новогоднюю ночь, когда серебристая машина унесла прочь сестру. Морозный воздух звенел от звуков праздничных салютов, но в его мире наступила тишина. Всё замерло, застыло в моменте, который раз и навсегда разделил его жизнь на «до» и «после».

Никита рыдал безостановочно до приезда «скорой помощи», сжавшись в комок на обледенелом тротуаре. Его плечи мелко подрагивали, губы пересохли от бесконечного шёпота: – Герда... Герда...

В его глазах застыла бездна боли и страха, которых не должно быть в детских глазах. Когда врач ввёл успокоительное, мальчик мгновенно погрузился в забытьё, словно душа его сдалась, не выдержав случившегося. Он проспал сутки, свернувшись калачиком в кровати, словно пытаясь укрыться от жестокой реальности.

Когда он проснулся, комната была окутана полумраком – зашторенные окна не пропускали утренний свет. Воздух был спёртым, пахло валерьянкой и холодным чаем. Никита резко сел, огляделся, сердце его стучало в горле. В дверном проёме стояла мать – почерневшая от горя, постаревшая за эти

страшные часы, с потухшим взглядом.

– Мама, так это был не сон... – прошептал он хрипло.

Голос звучал чуждо, словно принадлежал кому-то другому.

Она не сказала ни слова, просто шагнула к нему и крепко обняла. Тепло её тела не приносило утешения – оно только подчёркивало ледяную пустоту, растущую в душе мальчика. Он не заплакал. Просто отвернулся к стене, стараясь спрятаться от её взгляда, от боли, которая сочилась из её глаз, как чёрная, бесконечная река.

С того дня Никита замолчал. Родители пытались говорить с ним, но все их слова разбивались о холодное безмолвие. Никита не рассказывал, что произошло, не отзывался на вопросы, но ночами квартира наполнялась его криками. В кошмарах он снова и снова видел ту машину, слышал свист ветра и глухой голос сестры: «Я заменю его...» А потом – пустоту. Он просыпался в слезах, задыхаясь, шепча сквозь сон:

– Оставьте её... ведь вам нужен был я!

С тех пор он больше не был Каем. Это имя стало чуждым, как отрезанная часть его жизни. Даже «Ник» – ласковое сокращение, которым его звали близкие – потеряло для него смысл. Лишь полное имя – Никита – вызывало у него слабую реакцию. Только тогда он слегка поворачивал голову, но взгляд оставался пустым.

Родители водили его по врачам. В поликлинике, пропахшей хлоркой, его усаживали перед психологами – сухими,

усталыми людьми в белых халатах. Они задавали вопросы, записывали что-то в блокноты, переглядывались между собой. Но Никита молчал. Он словно спрятался за непробиваемой стеной.

Он лежал целыми днями не мигая, уставившись в пустую стену, и отказывался от еды. Иногда его тело дрожало, он мотал головой, сжимая зубы, как будто боролся с невидимой болью.

Врачи развели руками. Они говорили о глубокой психической травме. Предложили госпитализацию в детское отделение психиатрической больницы, где будет круглосуточный присмотр. Их взгляды выдавали истинные мысли – они не верили в его спасение.

Пока Никиту держали на капельницах, которые поддерживали его организм, мать сидела рядом. Она держала его за руку, гладила по волосам, шептала слова, в которых не было смысла – лишь тепло её ладони удерживало сына в этом мире. Стоило ей выйти, он выдёргивал иглу. Словно хотел оборвать последнюю нить, связывающую его с реальностью.

Отец молчал. Он сидел в углу комнаты – сгорбленный, с трясущимися пальцами, которые так и не закурили сигарету. Он смотрел на сына, но видел пустую оболочку.

Каждый день становился страшнее предыдущего. Дом наполнился гнетущей тишиной. За окном шуршал январский снег, в их квартире стояла зима, которая не собиралась уходить.

Никита угасал – таял, как снег на весеннем солнце. Они уже потеряли дочь, а теперь и сын ускользал от них, постепенно исчезая в неизвестности, оставляя в их сердцах лишь пустоту и неизбывную боль.

Глава 4

Братья Богатырёвы.

Неожиданная помощь

Однажды в дверь позвонили. На пороге стоял высокий худощавый подросток. Волосы его были тёмными и слегка расчёпанными, а выражение лица – задумчивым и растерянным. Он представился Андреем, сказал, что учился с Мартой в одной школе – только на два года старше – и что они были друзьями. Голос гостя дрогнул, и родители сразу поняли, что речь идёт о первой юношеской любви.

В доме было тихо, они пригласили его на кухню: им хотелось поговорить о дочери – тем более с мальчиком, который был её другом или даже любил её. Рассказать ему они могли немного, ведь сами почти ничего не знали.

Услышав, что Никита в ужасном состоянии после случившегося и ничего не говорит, Андрей попросил разрешения пообщаться с ним. В его глазах блеснула решимость, а в голосе – некоторая скрытая уверенность, будто он знал, что может помочь.

– Только, пожалуйста, не заходите к нам, пока я сам вас не позову, – твёрдо сказал подросток.

Родители переглянулись, его тон поразил их, но почему-то послушно кивнули. Им казалось, что этот мальчик, с

его невидимой силой и заботой, может помочь им понять, что же на самом деле случилось с их дочерью.

– Ну и чего ты из себя строишь? – раздался над Никитой жёсткий голос. – Хорошую выбрал позицию. Как страус голову в песок, и ничего вокруг тебя не существует. Трус ты, вот ты кто!

Никита вздрогнул, как от удара. Да, слова били в самое сердце, он тоже считал себя трусом, страдал от чувства вины.

Не смог постоять за сестру, остановить её, не смог даже запрыгнуть в машину, вцепившись в руку, которая сначала держала его, а потом отшвырнула, как ненужную игрушку. А он даже не смог закричать, не смог сдвинуться с места, не смог ничего сделать. Эта мысль камнем лежала на его груди. Будто холодные руки снова держат его, как тогда. Никита знал, что это ощущение: он был слабым, он был трусом – никогда не отпустит его.

Но ему стало обидно, что кто-то обвиняет его. Откуда этот парень знает, как всё было? Какое имеет право так говорить?

Никита повернулся к говорившему. Андрея он знал, видел их с Мартой – они часто гуляли в парке после школы. Мальчик даже ревновал сестру, но она успокаивала братишку и говорила, что любит только его, а Андрей просто друг. И вот теперь этот друг смеет обвинять его – Никиту.

– Да что ты знаешь, чтобы так разговаривать со мной?! Ты не понимаешь, ты даже не представляешь, каково это! – крикнул Никита, его лицо исказилось от злости, но в глубине

глаз чернела бездна отчаяния. — Она была так близко... так близко, и я ничего не сделал. Я стоял как пень, ничего не почувствовал... Я сам — причина того, что её увезли! — его крик эхом отозвался в комнате.

Родители в соседней комнате дёрнулись от его крика и хотели бежать к сыну, но вспомнили наказ Андрея. И, взявшись за руки, остались сидеть в ожидании дальнейшего развития событий.

— Конечно, я ничего не знаю, и родители ничего не знают, и милиция тоже. А почему? Потому, что ты никому ничего не говоришь. Лежишь тут и страдаешь, а в это время твою сестру увозят всё дальше, и мы все теряем драгоценное время.

Никита замер. Он вдруг осознал, до какой степени прав этот Андрей. Марте нужна помощь, но никто не может ей помочь — все тёмные уголки той новогодней ночи скрывают правду, которую Никита носит с собой в молчании.

Осознание своей вины накрыло мальчика с новой силой. Он зарыдал в голос. Он больше не мог выдерживать чувство вины, отчаяния, дикую боль от потери сестры и полнейшее бессилие.

Захлёбываясь, он рассказал о том, что случилось, и повторял эту историю снова и снова. Уже и родители сидели рядом, обнимая его, и Андрей смотрел с болью и сочувствием, но Никита никак не мог остановиться.

— Я позвал её на горку, она не хотела, уговорил. Знал, что

она мне не откажет. Я виноват во всём, жить не хочу! – кричал мальчик. – Она же, эта женщина, меня схватила, а Герда сказала, что заменит меня, пошла и села в машину, а я, я! ничего не сделал, чтобы её остановить. Я был застывшим и неподвижным, пока эта женщина держала меня за воротник. Дёрнуться не мог, язык не шевелился. Всё во мне как будто заledenело. А когда она меня выкинула обратно наружу, мысль мелькнула, что я сейчас ударюсь о землю и разлечусь на тысячу ледяных осколков. Однако без её руки я через какое-то время вскочил на ноги и закричал: «Остановитесь!!!» Но машина была уже очень далеко. Как она могла так быстро умчаться? Она как будто улетела!

Никита уже тихо всхлипывал. Мальчик наконец смог выплакать свою боль и рассказать о случившемся. Это возвращало его к жизни, как будто он наконец-то сделал первый шаг из темноты.

– Ты сказал, что мы можем ей помочь, спасти. Как? – он уставился на Андрея.

– Я пока не знаю, малыш, но ты уже дал кое-какую информацию, и надо всё рассказать в милиции, чтобы машину объявили в розыск. Ты сможешь её описать? Может, вспомнишь номер или какой-то значок на ней?

– Какой же я осёл! Сколько дней прошло?

– Две недели, – тихо сказала мать.

Никита снова заплакал. Слезы жгли глаза, грудь сдавило удушающим комом. Две недели... две недели бездействия,

когда каждый час мог значить жизнь или смерть для Марты. Его сестру могли увезти уже очень далеко, за тысячи километров – туда, где её никто не найдёт. Эта мысль давила, заставляя сердце бешено колотиться от страха и отчаяния.

– В любом случае, в милицию надо передать всю информацию, – строго сказал Андрей. – Да, время потеряно, но сдаваться нельзя.

– А почему ты пришёл сегодня, а не сразу после исчезновения Марты? – вдруг спросил Николай Григорьевич, отец Марты и Никиты.

– Мы с братом уезжали в горы кататься на лыжах. Как только вернулись, узнал – и сразу к вам, – голос Андрея был печален, он понимал, что семья находилась в жутком стрессе и не нашлось никого, кто смог бы им помочь.

– Так что ты можешь сказать про эту машину? – снова спросил мальчика Андрей.

– Я могу её нарисовать!

Никита вскочил и бросился к столу, схватил лист бумаги и карандаш. Он очень быстро изобразил машину с длинным кузовом и фигуркой оленя на капоте.

– Странная модель, никогда таких не видел, как будто «Волгу» соединили с каким-то лимузином, – задумчиво произнёс Николай Григорьевич.

Мать, Любовь Сергеевна, ничего не говорила, она прижимала к себе сына и гладила его по спине, по рукам. Как будто снимая с него тот морок, ту боль, которая мучила её ребёнка

целых две недели.

Андрей снова начал говорить.

– Информации, конечно, крайне мало, но я хочу предложить эксперимент. Не торопитесь отвечать сразу, подумайте. Врачи явно стали бы вас отговаривать.

– О чём речь? – деловито спросил Николай Григорьевич. А Никита подался вперед, ожидая ответа.

– Мой брат, его зовут Антон Богатырёв, окончил медицинский институт, ординатуру по психологии и сейчас в аспирантуре изучает методы гипноза. Вы можете позвонить, проверить мои слова. Брат на хорошем счету в институте, его считают талантливым.

– Ты что?! – раздался пронзительный крик матери. – Как ты можешь предлагать такое? Никита – ещё ребёнок, он перенёс сильнейший стресс! Мы не знаем, что это сделает с его психикой... – она вскочила, теряя контроль. – И если что-то пойдёт не так? Я против!

Она посмотрела на мужа, в её глазах мелькала отчаянная просьба остановить этот безумный план. Но Николай, не отрывая взгляд от сына, только вздохнул.

– Подожди, мать, – строго сказал он, – Андрей, насколько это опасно?

– На самом деле гипноз детям не опасен, у них подвижная психика, ещё не переполненная ложными воспоминаниями, которые свойственны взрослым людям. Но Ник вернётся в ту ситуацию и снова будет проживать её. Антон будет

его поддерживать голосом, задавать вопросы, чтобы он смог рассмотреть те детали, которые сейчас не помнит. Поэтому такого сильного стресса уже не будет, но...

Андрей замолчал.

– Вы не можете гарантировать, что его психика это выдержит? – подвёл итог Николай Григорьевич.

– Да, – просто сказал Андрей, – поэтому я и говорю, врачи не разрешат. По крайней мере, сейчас точно – возможно, через полгода.

– Вы с ума сошли! – закричал Никита. – Какие полгода? Где будет Герда через шесть месяцев? На Луне?! Звони брату, я согласен, ничего с моей психикой не случится, я ей не позволю больше так поступать со мной. Я страдал целых две недели вместо того, чтобы сделать всё для поиска сестры.

– Знаешь, сын, – Николай Григорьевич потрепал мальчика по голове, – я верю, что ты справишься. Звони брату, Андрей, пусть поможет, а в милиции скажем, что Никита сам всё вспомнил. Никто про гипноз не узнает.

Любовь Сергеевна тихо плакала, понимая, что мужчины, как всегда, всё решили по-своему. Для себя она уже начала смиряться с потерей дочери, но потерять ещё и сына было выше её сил.

Глава 5

Гипноз

Через час в доме появился молодой мужчина, похожий на Андрея. Он привёз с собой видеокамеру, маятник и колонку. Попросил задёрнуть шторы в комнате, где будет проходить сеанс гипноза, раздвинуть мебель в стороны и накрыть тканью всё, что отвлекало внимание. В углу комнаты включили ночник, чтобы свет был мягким, успокаивающим.

– Выйдите, пожалуйста, все, а ты, Никита, садись в кресло. Сеанс будет записан на камеру, и мы вместе его потом посмотрим.

Сначала из комнаты доносились какие-то странные шуршащие звуки, потом полилась тихая музыка и зазвучал монотонный голос Антона.

Когда Антон начал погружать его в гипноз, Никита ощутил, как тело наполняется ледяной тяжестью, словно вся энергия исчезала, оставляя его в невыносимом напряжении. Он не мог шевельнуться, дыхание стало тяжёлым, и в темноте перед глазами снова вспыхнула страшная сцена – тот момент, когда мир перевернулся. Он снова стоял там, на тротуаре, ощущая, как холодная рука сжимает его воротник, как его тело теряет подвижность, а в ушах звенит страшная тишина – тишина, в которой нет места для боли сестры, для

её крика.

Он заново переживал свою трагедию, но теперь с ним был спокойный голос Антона, который успокаивал, отвлекал от боли, задавая вопросы, и заставлял концентрировать внимание на мелочах.

Родители прислушивались, из-за двери иногда слышались вскрики Никиты, но голос врача успокаивал мальчика, и вскоре он говорил уже не так возбуждённо. Через полчаса Антон вышел из комнаты и предложил всем выпить чаю с сахаром.

– А мальчика даже лучше будет хорошо покормить.

– Не получилось, да? Ничего не вспомнил? – заглядывал Ник в глаза гипнотизёру.

Он ничего не помнил. Сел в кресло, закрыл глаза и открыл. Антон потрепал мальчика по голове и сказал:

– Ты молодец, Никита. Вспомнил много деталей, которых я даже не ожидал. И держался хорошо. Сейчас тебе надо поесть, и потом все вместе посмотрим запись.

Радостная, хоть и усталая, Любовь Сергеевна усадила всех за стол. Этот день забрал много нервов, но самое важное – её сынок, её Никитка, вернулся к ним живым и здоровым. Глаза его горели огоньком, он словно стал другим – полным решимости, – и теперь у него были новые, взрослые друзья, готовые помочь найти сестру.

После сытного обеда быстро вернули на места мебель в комнате, превратив её из кабинета гипнотизёра в обычную

жилую гостиную.

Камеру подключили к телевизору, чтобы все могли видеть происходящее во время сеанса.

Антон прокрутил запись сеанса до момента, когда Никита начал отвечать на его вопросы.

– Вы с Мартой переходите дорогу, что видишь?

– Ничего, дорога пустая. Марта уже на тротуаре, а у меня шнурок развязался на ботинке. На дороге не было машин, и я спокойно присел, чтобы завязать шнурок. Ой! – воскликнул Никита.

– Что видишь? – мягко спросил Антон.

– Кто-то схватил меня за воротник. Очень холодно, я не могу пошевелиться, не могу говорить.

– Расслабься, к тебе идёт тепло, и ты можешь двигаться.

Чувствуешь тепло?

– Да, я повернул голову.

– Что видишь?

– Машина, за рулём мужчина, у него широкие плечи, серебристые волосы.

– Седые? – спросил Антон, пытаясь понять детали.

– Нет, серебристые, даже светятся. И куртка серебристая. Всё такое холодное по цвету.

– Лица не видишь? – голос Антона стал настойчивее.

– Пока нет. Вижу женщину, в белой шубе. На рукавах и воротнике мех, тоже серебристый и шапочка такая же. Она очень красивая, но какая-то неживая.

– Почему тебе так кажется?

– Её лицо ничего не выражает, как будто вырезано из мрамора. Из-под шапки выбились волосы. Светлые, как у Герды, только у сестры они тёплые, золотистые, а у той женщины холодные.

– Что происходит дальше?

– «Нет, остановитесь, возьмите меня!» – закричала Марта в отчаянии, не веря, что её услышат и послушают. Но произошло нечто странное. Холодный, почти металлический голос женщины прозвучал громко и уверенно: «Обойди машину и сядь в неё, тогда я отпущу мальчишку».

– Пока Марта обходит машину, женщина тебя ещё держит, смотри и слушай, что происходит.

– Мужчина обернулся, его лицо было красивым, как у тех, что на обложках журналов для богатых.

– Ухоженный?

– Да, наверно.

– Говорит что-то?

– «Эльза, мы же решили, нам нужен мальчик, почему ты всё меняешь, это неправильно!»

– «Эдвард, оставь, я чувствую, что надо взять девочку. Мальчик очень горячий, мне тяжело его удерживать, и с ним будет сложно. Девочка мягкая, податливая. Она станет нашей Лиззи».

– «Эльза, прекрати, Лиззи умерла, не надо беречь эту рану, поэтому мы и решили взять мальчика».

– «Нет, мне нравится эта девочка, она очень похожа на нашу Лиззи, ты потом сам это поймёшь».

Как только Марта села в машину, Никиту резко отбросило на тротуар, и он почувствовал, как скользит по холодному асфальту. Мальчик на экране pokrивился, собираясь заплакать, но голос Антона остановил его, сказав:

- Внимательно смотри на номер машины.
- Три восьмёрки, и с двух сторон перевёрнутые восьмёрки, лежащие.
- Знаки бесконечности, – шёпотом сказал Андрей.
- Что происходит дальше?
- Машина скрылась с такой скоростью, как будто она взлетела и растворилась в небе, только вихрь из снежинок ударил мне в лицо, смешавшись со слезами.

Любовь Сергеевна сидела, не в силах оторвать взгляд от экрана. Её сердце разрывалось от боли за сына, но она не могла вмешаться. Она только сжала кулаки и смотрела, как её ребёнок вновь и вновь переживает ту боль, которую они пытались помочь забыть.

Как только сеанс гипноза закончился, Никита не выдержал и расплакался, его душу наполнила боль от всего, что он вспомнил. Всё, что он заново пережил, было как молния, которая оставила в душе глубокие ожоги. От этого его затошнило, но откуда-то пробились слабая искорка надежды. Он вспомнил что-то важное, что может стать ключом к поиску его сестры. Но одновременно с этим, накатывала волна стра-

ха: что, если всё снова закончится так же, как в ту новогоднюю ночь?

Но никто не упрекал его, все понимали, что на долю ребёнка свалились большие взрослые потрясения. Он перенёс их достойно, с удивительным мужеством. Родители обняли сына, осознавая глубину его травмы, выражая свою любовь и поддержку мальчику.

– Никита, вы с родителями пойдёте в милицию, ты расскажешь всё, что вспомнил под гипнозом – но как будто тебе помогли успокоительные и ты вспомнил всё это сам. Если нужно, могу ещё раз включить запись.

– Не надо, я всё запомнил, – и Никита повторил слово в слово всё, что говорил под гипнозом.

Глава 6

Марта

Девочка смотрела в заднее стекло, прощаясь с домом и родными.

Она чувствовала, что эти люди не причинят ей зла, но и в свою семью она уже не вернётся. Когда машина скрылась за горизонтом, а брат исчез из виду, Марта медленно повернулась к женщине и пристально посмотрела на неё. Очень красивая и явно богатая. «Зачем ей нужен ребёнок?» – подумала девочка, пытаюсь понять, что же заставляет этих людей так поступать.

– Спасибо, – произнесла она чётко и громко.

В её глазах смешались благодарность и холодная решимость.

Женщина вздрогнула от её голоса, а мужчина неожиданно вильнул рулём.

– За что ты благодаришь меня, милая Лиззи?

– За то, что вы отпустили моего брата. Только меня зовут Марта.

– Красивое имя, но тебе надо забыть его навсегда. С этого момента ты – Лиззи. Меня зовут Эльза, моего мужа – Эдвард. Мы – твои родители. Твоё домашнее имя – Лиззи, а по документам ты – Элизабет.

– Любители буквы «Э», – констатировала Марта.

– Так принято в нашей семье. Если бы у нас был сын, он носил бы имя Эдуард.

– А потом? Ваши внуки тоже должны были иметь имена на букву «Э»?

– Нет, внуки освоят букву «Ю»: Юлиан, Юлий, Юстус, Юстиниан, Юрий, Юлия, Юлианна, Юнона, Юна, Юния. У твоих детей будет много вариантов.

– Ни одно не нравится, – холодно сказала девочка.

– Мягкая и податливая, – хмыкнул мужчина.

– Прекрати, у неё стресс, и это нормально, – сказала Эльза, но в её голосе чувствовалась отстранённость, словно она не могла позволить себе испытывать эмпатию.

– Лиззи, отдохни. Помолчи немного, я устала от дальней дороги и разговора с тобой. Маме надо отдохнуть. Хочешь воды? Возьми.

Она протянула девочке маленькую бутылку, на которой был изображён замок, как из сказки «Снежная Королева». Марта очень хотела пить – сказались переживания и напряжение. Горло горело, тело ломило. Девочка залпом выпила всю бутылку. Через пять минут она уже крепко спала.

Когда дыхание ребёнка стало ровным, мужчина печально сказал:

– Ты всегда поступаешь по-своему, Эльза. Твоя мать чётко велела брать мальчика. Девочки в вашей семье слабы и болезненны, а мальчик крепкий. Его потомки продлили бы

наш род.

— Твой род не слишком-то помог нашей дочери, — язвительно ответила Эльза. — Девочка самоотверженна, имеет твёрдый характер. Разве не такого потомка мы хотели?

— С этим я соглашусь. Меня удивило, как она вела себя. Ни грамма страха, выдержанная, спокойная, ни слезинки.

— Вот. В ней я почувствовала свою кровь, а не в мальчишке. Он горячий, вспыльчивый. А эта девочка, хоть и дальняя родня, но всё же у нас общие корни.

— Хорошо, возможно, ты права. Нам всем предстоит встреча с твоей матерью. Посмотрим, как она оценит твой поступок.

При этих словах Эльза поёжилась. Хотя она всегда была невозмутимой и практически безэмоциональной, разговоры с матерью давались ей тяжело. Вот кто была истинной Снежной Королевой. Холодный взгляд, ледяные руки, минимум движений, никакой мимики на лице. По утрам она устраивалась на свой троноподобный стул и восседала там целый день, решая судьбы.

Это она отправила Эльзу с Эдвардом в убогий городок, сказав, что именно там находится нужный им ребёнок.

Сестра её бабушки когда-то бросила семью и ушла жить своей жизнью. Так образовалась новая ветка Снежиных, которая ничего не знала о своих корнях. Да и свои способности они вряд ли могли применить в этом мире.

Шарлотта, мать Эльзы, разработала план: они будут путе-

шествовать по разным городам, якобы посещая музеи и монастыри. Машину свою оставлять на окраинах, на платных стоянках, надёжно укрывая. Одежду носить простую, чтобы не выделяться в толпе.

Но к Новому году им следовало быть в городе N, присмотреться к семье и в новогоднюю ночь, под шум салютов, проследить за детьми. Улучить момент, когда мальчик отойдёт в сторону (а он точно отойдёт: не умеет долго сидеть на одном месте). Если потребуется, использовать древний «зов», который подчинит его волю. И в этот момент похитить его.

Но всё пошло не по плану.

Мальчик услышал зов – и пошёл, но не один. Он взял с собой сестру.

Эльза уже собиралась послать в девочку ледяную стрелу, чтобы на время остановить её сердце. Очнувшись, она ничего бы не помнила о себе и провела оставшуюся жизнь под присмотром врачей. Конечно, после такого действия самой Эльзе потребовалось бы долго восстанавливаться.

Но девчонка решила всё по-своему. И Эльза была ей благодарна.

В мальчике было слишком много огня. Эльза чувствовала, что слабеет, что ещё немного – и отпустит его. Весь оставшийся холод женщина вложила в силу броска, когда отшвырнула мальчика прочь.

После такого он вряд ли придёт в себя. Скорее всего, его ждёт глубочайшая депрессия.

Жаль.

Но другого выхода не было.

Порой в этом мире приходится делать выбор, который не оставляет места жалости.

Глава 7

Никита. Рост способностей

Эльза ошиблась: с помощью братьев Андрея и Антона, Никита не только быстро пришёл в себя, но стал как будто сильнее и взрослее.

У Антона в милиции нашёлся бывший одноклассник, чей отец занимал высокий пост в секретной службе. Даже в семье не говорилось, где именно он служит. Рассказ мальчика и его рисунок машины пошли в работу, и вскоре выяснилось, что подобный автомобиль замечали в разных городах. Однако везде он появлялся на окраинных стоянках и оставался там не дольше двух-трёх дней. Машину ставил и забирал мужчина, внешность которого каждый раз описывали по-разному: то низкий и худощавый, то полный, а то высокий очкарик. Про женщину никто ничего не мог сказать.

– Интересно, – задумчиво произнёс Антон, – они просто ездили по городам в поисках удобного случая или их целью был именно Никита? Но тогда почему взяли Марту?

– Они даже не ездили на этой машине по тем городам, где её видели. Чем они занимались – непонятно. Может, присматривались к детям, чтобы потом внезапно появиться и схватить кого-то. Новогодняя ночь – удобное время: во дворах полно людей, все перемешаны – дети, взрослые. А доро-

ги пустые. Но какова вероятность, что ребёнок выбежит на дорогу в нужный момент? Похоже на роковую случайность, – Андрей задумчиво поднял глаза.

– Ребята, они искали ребёнка вместо своей дочери Лиззи, вы забыли? Они сказали, что она умерла. Хотели мальчика и взяли бы меня, если бы Герда не предложила себя, – Никита развел руки, привлекая к себе внимание.

Антон и Андрей согласно кивнули.

– Да, они явно искали ребёнка. Скорее всего, мальчика, чтобы он не напоминал им о дочери. Но их поведение странное: разъезжали по городам, гуляли пешком, а потом вдруг оказались на пустой дороге, где – словно по заказу – сразу и мальчик, и девочка. «Выбирайте, господа», – мрачно пошутил Андрей.

– Не смешно, – Антон кивнул в сторону Никиты, чей взгляд омрачился.

– Ник, – неожиданно спросил Андрей, – а с чего ты вообще на эту горку захотел? Помнишь?

Никита задумался. В памяти были только разрозненные обрывки той ночи. Хотелось снова попросить Антона ввести его в гипноз, но он решил попробовать вспомнить самостоятельно. Мальчика злило, что он не хозяин своей памяти и мыслей.

Закрыв глаза, он начал поминутно прокручивать события. Вот они одеваются в коридоре – шум, толчки. Дружной гурьбой выбегают во двор. Из соседних подъездов тоже выходят

люди. Все собираются в центре двора. О горке он не думает – любит салютами, кричит вместе со всеми: «Ура! С Новым годом!» И вдруг... Как будто рядом раздаётся голос: «Пойдём на горку, в соседний двор». Причём обращаются не к нему, но идея кажется настолько заманчивой, что он тут же начинает уговаривать сестру. Она соглашается.

Антон задумчиво посмотрел на него.

– Знаешь, что ты только что сделал? Ты сам ввёл себя в транс, просмотрел нужные воспоминания и сам же вышел из него. Ты понимаешь, что для обычного человека это практически невозможно? Этому учатся годами, и то получается лишь у тех, у кого есть дар к самогипнозу.

Никита покраснел от смущения. Слова этого умного, взрослого человека были приятны. Антон хоть и моложе его отца, но столько знает и умеет!

– И ведь Эльза говорила своему спутнику, что ей трудно удерживать тебя в холоде, что ты «горячий». Ребята, тут что-то связано с мистикой. Ник, похоже, ты у нас особенный. Возможно, твой дар проявился бы неизвестно когда или вообще бы угас. Но Эльза своей энергией пробудила его, а я направила с помощью гипноза.

– Подожди, – перебил его Андрей, – а если Ник может что-то ещё? Может, он сумеет связаться с Мартой, посмотреть, где она и что с ней?

Никита честно пытался это сделать. Закрывал глаза, сосредоточивался, но ничего не вышло. Голова разболелась, и

он расстроился.

– Не торопи события, Андрюха, – остановил Антон. – Дар так быстро не раскрывается. Если давить, психика может не выдержать. Никитос, пробуй иногда, особенно перед сном. Думай о Марте, зови её, вспоминай что-то хорошее. Возможно, что-то придёт во сне. Только будь осторожен. В этом деле мы пока как первоклассники.

Никита с нетерпением ждал вечера, чтобы начать практиковаться.

С этого дня родители поражались переменам в сыне. Ещё недавно его было не загнать в постель, а теперь сам чистит зубы и говорит:

– Мамочка, папочка, спокойной ночи.

Но сколько бы Никита ни старался, ему снились только события прошлого. Новых сведений о Марте не приходило.

Глава 8

Марта в новом доме

Шарлотта холодно взглянула на Эльзу и Эдварда.

– Это что? – её палец указал на Марту.

Эльза вздрогнула, будто от удара хлыстом, но постаралась выпрямиться, стараясь не опустить взгляд.

– Это моя дочь, наша с Эдвардом дочь – Лиззи.

– Ваша дочь умерла, – произнесла Шарлотта, чеканя каждое слово, – и вы ничем не смогли ей помочь.

Эдвард вздохнул, и его взгляд стал печальным.

– Я велела вам привезти мальчика. Где он?

– Я решила взять девочку, – упрямо произнесла Эльза, подавляя дрожь в голосе.

– Кто тебе позволил решать? – голос матери звенел от ярости, а слова пронзали Эльзу, как холодное лезвие, заставляя чувствовать, что она вот-вот упадёт на колени.

Но вдруг раздался уверенный девичий голос:

– Извините, но дело было так: она хотела забрать моего брата, схватила его за руку, но я предложила обмен и сама села в машину. Она отпустила его, и мы поехали сюда.

Шарлотта удивлённо приподняла брови.

– Ах, вот как, – сказала она, разглядывая девочку. – Ты умеешь разговаривать? Что ещё ты можешь?

– Меня зовут Марта, и мне не нравится, когда меня называют чужим именем, – сдержанно ответила девочка. – Я искренне сочувствую вашему горю, но не собираюсь быть вашей умершей Лиззи. И мне бы хотелось понять, зачем вам нужен мой брат?

Шарлотта расплылась в довольной улыбке. Эльза вздрогнула – мать улыбалась этой девочке и явно была готова с ней разговаривать. Девочка ей понравилась.

– Интересно, очень интересно, – пробормотала Шарлотта. – Может, всё к лучшему. Выйдите! – резко сказала она Эльзе и Эдварду.

Эльза, утомлённая разговором с матерью, пошла, опираясь на руку Эдварда. Её взгляд был холоден. Она больше не видела в Марте свою Лиззи. Напротив, теперь эта девочка вызывала отвращение. Ведь она понравилась матери. Как всегда, кто угодно, только не она – Эльза.

Шарлотта указала Марте на стул, позвонила в колокольчик и велела служанке принести чай и сладости. Зал наполнился мягким звоном, а воздух – тонким ароматом свежесваренного чая. Как только всё было расставлено, она предложила девочке угощение и начала расспрашивать о её жизни, семье, родителях – особенно о матери и бабушке. Женщина интересовалась всем: как Марта росла, чем занималась, как развивалась. Каждый вопрос звучал доброжелательно, словно она искренне хотела узнать её историю.

Девочка отвечала спокойно и обстоятельно, её голос был

ровным, несмотря на настойчивость вопросов. Когда вопросы прекратились, Шарлотта, выдохнув, замолкла, и в этот момент Марта решила заговорить.

– Я ответила на все ваши вопросы, теперь пришла очередь моих, – сказала она, не теряя уверенности.

– Хорошо, – согласилась Шарлотта, – спрашивай.

– Я повторю тот же самый вопрос: зачем вам, лично вам, нужен мой брат?

Шарлотта посмотрела на неё, заинтересованно подняв брови.

– Ты уверена, что хочешь узнать ответ? – мягко, но с вызовом спросила она.

– Отвечайте, а потом посмотрим, смогу ли я понять, – без страха ответила Марта, не отводя взгляда.

Шарлотта, заметив уверенность девочки, слегка усмехнулась.

– Ладно. Ты уже знаешь, что моя внучка Элизабет умерла, – Шарлотта говорила тихим голосом, как будто каждое слово давалось ей с усилием. – Она была сильна духом, но её тело оказалось слишком слабым. Женщины нашего рода обладают особыми способностями, которые в вашем мире называют паранормальными. Но наш род вымирает... Эльза слишком слаба, чтобы проявить эти силы, но Лиззи... Лиззи родилась с такими мощными дарами, что они не смогли находиться в её теле. Оно не выдержало. Моя внучка покинула его... но не умерла.

Марта была ошеломлена.

– Как такое возможно?

– Мы можем многое, что вам кажется магией, – спокойно ответила Шарлотта.

– Хорошо, а Никита – я так и не поняла, зачем он был нужен?

– Изначально мне была нужна именно ты. Думала, что ты пойдёшь за ним, как в вашей любимой сказке. Он был лишь инструментом, чтобы привлечь тебя. Я бы вела тебя по правильному пути, и с каждым шагом твои способности усиливались, приближая тебя к нашему миру. И тогда Волшебница из рода Снежиных пришла бы и оживила мою внучку.

Марта вздохнула. «Паранормальные способности? Волшебница? Это всё бред».

– Думаю, вы ошибаетесь. Моя фамилия Богданова, и у мамы была другая фамилия, не Снежина. Никаких особенных способностей у нас нет, и я не смогу вам помочь.

– Ты стала бы Волшебницей, но Эльза сделала всё по-своему. Ты напомнила ей Лиззи, и она решила заменить её тобой. Глупая женщина.

– Да уж, любите вы свою дочь, – саркастически заметила Марта.

– Люблю, – отрезала Шарлотта. – Но она – слабая, убогая, по нашим стандартам. Не трогай эту тему.

– Ладно. Но что теперь делать? Может, отправите меня обратно? Расскажите, как развивать эти способности? Тогда

я оживлю вашу внучку, если хотите.

Марта говорила это без особой надежды – больше для себя, понимая, что все они просто сошли с ума от горя.

– Ты интересная девочка! Конечно же, я тебя не отпущу. Посмотрим, как можно тебя использовать. Живи пока у нас. Ты у нас в гостях, считай, что мы родные. Иди к себе, я устала. Ужин принесут в твою комнату.

Марта вышла из комнаты, чувствуя, как сердце тяжело стучит в груди. Она с трудом сдерживала раздражение, пытаясь не думать об этой семье. Всё казалось ей странным и нелепым. Но что-то в словах Шарлотты продолжало звучать в голове как эхо. «Ты бы стала Волшебницей...»

Пока она шла по коридору, мысли беспорядочно толкались одна за другой, мешая сосредоточиться. «Как можно верить в такую чепуху?» – думала Марта, ускоряя шаг. Но всё равно в глубине души сомнение не отпускало. Ведь она только что узнала, что её жизнь, которая казалась обычной, каким-то образом связана с этим родом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.